

АКАДЕМІК М. ГРУШЕВСЬКИЙ

Історія української літератури, т. VI, ч. 1–2, стор. 970

В послесловии ко второй части своей обширной работы автор ее следующим образом объясняет ее происхождение и формулирует основную идею своего труда (стор. 668 і далі):

“Ця книга спочатку уявлялась мені як перша частина VI тому, що мав би сягати в XVIII вік. В процесі роботи — а робота тривала довго, чотири роки (з перервами), закруглялася ця книга під моїми руками в окремих том — не тільки тому, що виросла розмірами, а й тому, що ясніше, ніж перед тим, виступило перед моїми очима переломове значення цього моменту... кінець революційної ролі православної церкви і поворот її на становище офіційної урядопослушної установи, позбавленої тих елементів громадськості, що вона набула в першій своїй активізації, ув’язуючись з різними опозиційними громадськими елементами”.

Этот период церковной активизации — который автором относится к 20-м годам XVI века и длится до 20-х, примерно, годов XVII-го века — бросил, по его словам, ретроспективно свет на более раннюю пору и создал распространенную в украинской (буржуазной. — А. Б.) литературе теорию исконной общности, демократизма, выборности православной украинской церкви, которые будто бы были только придушены панским режимом литовско-польской эпохи — реставрировались в XVI–XVII веках и остались характерными признаками ее и в дальнейшем. Эта теория поддерживалась и проводилась церковниками, мечтавшими о возрождении церковной автономии, народниками “просвітянами”, мечтавшими “демократизованную” и “автономизованную” украинскую церковь сделать средством активизации народных масс. Особенно ясно та-

кой подход выступал у Драгоманова; документальные обоснования этой теории взял на себя Ор. Левицкий.

Опровергая эту “теорию” еще в прежних своих работах, автор показывает на основании данных литературы, какою непрочною и недолгою явилась на самом деле эта церковная “активизация”, вызванная вторжением городского мещанства XVI-го века в церковную жизнь. С начала XVII-го века, после упадка городского мещанства в Западной Украине церковники меняют ориентацию — стремясь завязать тесные связи с козачеством, в ту пору игравшим в известной мере роль революционного начала. Однако в среде самих церковников нет единства: значительная часть их стремится к тому, чтобы, добившись компромисса с властью, отгородить церковную сферу от всяких посягательств “мирских людей” — козачества, мещанства и даже шляхты. Возникает борьба между “радикальными” и склонными к компромиссу группами: но радикальные течения не успели оформиться в то время, как пронырливый молдавско-польско-украинский магнат (Петр Могила), пользуясь удобным моментом, сумел соединить свои магнатские связи с каноническим православным ригоризмом и, заняв место официального руководителя украинской церкви — подавил в ней радикальные и оппозиционные течения и возвратил украинскую церковную жизнь в то иерархически-монархическое русло, из которого она вышла.

Таковы основные мысли VI-го тома “Історії української літератури”, обнимающего сравнительно короткий промежуток времени, преимущественно 20-ые и 30-ые годы XVII-го столетия. Давая вначале историческое введение с характеристикой упадка мещанского движения в Западной Украине в начале XVII-го века и вызванного им передвижения культурно-национального центра на Восток (на Киевщину), автор в дальнейших главах анализирует литературную продукцию Захарии Копыстинского, останавливается на стихотворстве Лаврского кружка — виршах Памвы Берынды, Тарасия Земки, Митуры, дает характеристику братских школ, их учебных программ, их литературы; следит за оживлением “исторической, национальной и государственной традиции”, выразившейся в попытках связать козачество с историческими преданиями Киевской княжеской Руси-Украины, останавливается, продолжая сказанное

в V-ом томе, на новых фактах церковной полемики (новый этап деятельности Мелетия Смотрицкого), переходит затем к характеристике писаний, вызванных колебаниями в среде киевских церковников — то ищущих поддержки у русского царя и московского патриархата, то стремящихся к компромиссу с польской государственной и церковной властью. Показав, как, параллельно с этим процессом, пытается заявить свои требования более “радикальное течение” (Мужиловский, Зизаний) — он заключает свое изложение выступлением Петра Могилы, обзором его ранних писаний и литературных произведений, вызванных его триумфом над противниками — панегирических виршей 30-х годов, выходящих из среды деятелей основанной Петром Могилою Лаврской Киевской школы — будущей Киевской коллегии — будущей Киево-Могилянской Академии.

Для читателя, знакомого с предыдущими произведениями академика М. Грушевского — его “Історією України-Руси”, т. VI и VII, популярной книгой о культурно-национальном движении на Украине конца XVI — нач. XVII-го века и др. — VI-ой том “Історії української літератури” не явится совершенною новостью: в нем только уточнены и широко аргументированы мысли, в свое время шедшие вразрез не только с упомянутыми выше теориями Драгоманова и Ор. Левицкого, но и всей русско-украинской церковной историографией XIX-го века. Равным образом для специалиста-литературоведа, знакомого с трудами Завитневича, Щегловой, Засадкевича, Голубева, Макария, Отроковского, Перетца и многих других, издававших и комментировавших литературные памятники данной поры или исследовавших отдельные моменты рассматриваемого в книге процесса — VI-ой том не дает каких-либо откровений по части неизвестных прежде или неизданных памятников, совершенно новых фактов и т. д. Правда, надобно сразу указать, что изложения фактов в такой системе и с такой обстоятельностью, какую дает VI-ой том М. Грушевского, украинская литературная историография вообще никогда не знала. Что касается последнего из указанных качеств — то вообще найдется весьма немного историко-литературных обзоров — и на других языках, — которые могли бы быть сопоставлены с работой М. Грушевского. Книга представляет не только обзор фактов, их анализ, оценку — с

точки зрения исторической ценности и литературных достоинств, но и подробное изложение содержания всех изучаемых в ней памятников с обширными, занимающими по несколько страниц выписками из них — иногда в подлиннике, чаще в переводе на современный украинский язык. Таким образом, VI-ой том (как и предыдущие томы “Історії української літератури”) — является соединением историко-литературного курса с обширной хрестоматией памятников, напечатанных в специальных, в настоящее время трудно добываемых изданиях — типа “Актов, относящихся к истории Западной России”, “Памятников полемической литературы”, — а иногда и сохранившихся только в оригинальных старопечатных изданиях. В русской литературе нечто подобное — только в весьма сокращенном масштабе, представляет “Курс русской литературы” В. А. Келтуялы, отличающийся от работы акад. М. Грушевского тем, что Келтуяла не был самостоятельным исследователем и только популяризовал чужие труды, иногда по своему комбинируя и освещая их результаты: акад. М. Грушевский, пользуясь трудами специалистов, знает все их источники и, располагая сам колоссальным знанием сырого материала, может легко проверить правильность их выводов, сделать к ним в иных случаях поправки. В западной литературе известную аналогию к работе М. Грушевского представлял бы немецкий Grundriss Гёдеке или французская “Histoire litteraire de France” или же известная “кембриджская” история английской литературы: но у Гёдеке элемент исследования отступает на второй план перед элементом описания, а две другие названные многотомные книги явились плодом коллективного составления, между тем, как свой труд акад. М. Грушевский выполнял единолично.

Здесь не место ни характеристике исторических и историко-литературных воззрений акад. М. Грушевского, ни полемике с ним по ряду отдельных вопросов. Автор является, конечно, крупнейшей фигурой буржуазного украинского литературоведения — фигурой, вполне определившейся и законченной. Необходимо отметить, что в рецензируемом томе, по своему типу соответствующем ранее вышедшим томам, несравненно реже, чем в предыдущих, мы встретим места, которые резко расходились бы с нашим пониманием исторического процесса и процесса литературного. В этом

отношении он отличается, например, от охватывающего тот же материал (и последующие десятилетия) 2-го тома “Історії української літератури” Михайла Возняка (1921). Можно, конечно, усомниться в правильности, например, определения козачества, как “спеціального, західноєвропейській схемі незвісного, нашими спеціальними колонізаційними обставинами створеного военного класу” — но в дальнейшем неоднократно говорится и о том, что единого класса козачество не составляло, что в нем “ферментували різні соціальні і ідеологічні елементи”. Впрочем, разобравшись в подобных утверждениях автора дело историка более, чем литературоведа. Литературовед с интересом прочитает книгу, которая с большим искусством извлекает живые элементы из памятников, до сих пор мертвым пластом лежавших в архивах истории литературы. Автор правильно, на наш взгляд, характеризует их значение именно для истории литературы, устанавливая границы “эстетического подхода” (стор. 38–39) и указывая, что “естетика і формальні літературні прикмети не одинокий критерій літературного значення твору: емоція і вплив на уяву досягається часом і іншими засобами, і не раз в історії літературно-формально невисокі твори мають більше значення з цього становища емоціального впливу, ніж різні естетичні пустиці”. Сам он, оценивая памятники полемической, публицистической, виршевой литературы XVII века со стороны их историко-культурного значения, вместе с этим всегда дает характеристику их литературной специфики — сплошь да рядом до него никем не сделанную. В итоге получается, несмотря на деятельность чрезвычайно живая и запоминающаяся картина литературно-идейной борьбы нач. XVII-го века, а вместе с этим и изображение усилий художественного живого слова выбраться из-под толстой коры, в которой держит его все еще полновластная — основная форма идеологии — религия.

Книга акад. М. Грушевского является одним из памятников того “культурного наследия” старого мира, которое мы должны изучить и критически освоить. Содержание именно данной книги — помимо своей научной ценности — может пригодиться и в нашей борьбе со всевозможными националистическими фальсификациями историко-литературного процесса. Для читателя — педагога, для чи-

тателя, готовящегося к научной, исследовательской и педагогической работе — книга эта может оказаться высоко-полезной в деле овладения фактическим материалом т. н. “древней” украинской литературы. Полагаю, что издание ее было бы весьма желательным — так же, как опубликование ее продолжения, доводящего историю украинской литературы до последних десятилетий XVIII-го века.

А. И. БЕЛЕЦКИЙ